

Том 5 КРЫЛОВ, ГРИБОЕДОВ, НЕКРАСОВ

Иван Крылов
БАСНИ¹

Из «Книги первой»

Ворона и Лисица²

---

¹ В настоящее издание входят избранные басни И. А. Крылова. Они располагаются по книгам в соответствии с авторской волей Крылова, выраженной в издании «Басни. В 9-ти книгах», Пб., 1843. Тексты басен печатаются по изданию: Крылов И. А. Басни. М.; Л.: Изд-во АН СССР («Литературные памятники»), 1956. Орфография и пунктуация там, где это возможно, приближены к современным.

² В басне обработан старинный сюжет, восходящий к Эзопу и Федру. Непосредственным литературным источником послужила басня Лафонтена. Басня связана и с русской сатирической традицией (сатира XVII века «Сказание о Куре и Лисице», басни В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова).

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все
не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках

подходит;

Вертит хвостом, с Вороны глаз не
сводит

И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!

Ну что за шейка, что за глазки!

Рассказывать, так, право, сказки!

Какие перушки! какой носок!

И, верно, ангельский быть должен
голосок!

Спой, светик, не стыдись! Что, ежели,
сестрица,

При красоте такой и петь ты
мастерица, —

Ведь ты б у нас была царь-птица!»

Вещуньяина с похвал вскружилась
голова,
От радости в зубу дыханье сперло, —
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка
такова.

Дуб и Трость³

---

³ Одна из первых басен Крылова. Сюжет басни восходит к Лафонтену («Дуб и Тростник»), а от него — к Эзопу («Тростник и Слива»). Басня была передана И. И. Дмитриевым в журнал «Московский зритель», где и была напечатана. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский [Шаховской] усмотрел в басне этическое предупреждение всякому временному и внешнему человеческому величию (Архиепископ Иоанн [Шаховской]. Сокровенный Крылов // К истории русской интеллигенции. Нью-Йорк, 1975. С. 236). С. Н. Глинка передал следующий свой разговор с Крыловым: ««Знаете ли вы, что Лафонтен, и Дмитриев, и вы упустили самую разительную или, как нынче говорят, гениальную черту в басне Эзопа «Дуб и Трость»? — «Как это?» — спросил Иван Андреевич. «А вот как, — отвечал я. — В падении Дуба Эзоп представил падение гордыни, спеси, презорства; в торжестве Тросточки торжество красоты, скромности, смирения. Лафонтен почти пиитическою трубою передал эту басню. У него Дуб простонал. Прекрасно рассказана эта басня и у Дмитриева, и у вас. Но Дуб только пал. Спесь, падая тихомолком, в удалении от зрителей,

С Тростинкой Дуб однажды в речь
вошел.
«Поистине, роптать ты вправе на
природу, —
Сказал он, — воробей, и тот тебе тяжел.
Чуть легкий ветерок подернет рябью
воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабеть
И так нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотреть.
Меж тем как наравне с Кавказом,
горделиво,
Не только солнца я препятствую лучам,

кое-как утешится. Но что Дуб пал к ногам смиренной Тросточки — вот что больно спеси и гордыне». Крылов привстал, подал мне трубку и сел. Я закурил и продолжал: «Лафонтен правду сказал, что Эзоповы басни — драма в ста действиях. Он вывел в них всю природу от кедра до иссопа. И в них каждый в чем-нибудь себя узнает и что-нибудь найдет для себя. Я говорю это о сущности вымыслов; но в поэзии и Лафонтен, и Дмитриев, и вы победители. У вас, Иван Андреевич, в баснях своя жизнь, свое неотъемлемое достоинство. Заметили, и я повторяю, что вы всем действителям ваших басен передали во всем самобытность русскую. [...] Жизнь ваших басен — в русском слове и в вашей поэзии».

Но, посмеваясь я вихрям и грозам,
Стою и тверд и прям,
Как будто б огражден ненарушимым
миром:

Тебе все бурей — мне все кажется
зефиром⁴.

Хотя б уж ты в окружности росла,
Густою тению ветвей моих покрытой,
От непогод бы я быть мог тебе защитой;
Но вам в удел природа отвела
Брега бурливого Эолова⁵ владенья:
Конечно, нет совсем у ней о вас
раденья».

«Ты очень жалостлив, — сказала Трость
в ответ,

Однако не крушись: мне столько худа
нет.

Не за себя я вихрей опасуюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:

---

⁴ *Зефир* — бог западного ветра (*гр. миф.*); здесь — западный теплый и ласковый ветер.

⁵ *Эол* — мифический родоначальник греческого племени Эолян; здесь — повелитель ветров, властитель острова Эолин, на котором нашел приют Одиссей во время своих странствий (*гр. миф.*); иносказательно — ветер.

Так бури мало мне вредят;
Едва ль не более тебе они грозят!
То правда, что еще доселе их свирепость
Твою не одолела крепость
И от ударов их ты не склонял лица;
Но — подождем конца!»
Едва лишь это Трость сказала,
Вдруг мчится с северных сторон
И с градом, и с дождем шумящий

аквилон.

Дуб держится, — к земле Тростиночка
припала.

Бушует ветер, удвоил силы он,
Взревел — и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам главой своей касался
И в области теней⁶ пятою упирался.

Музыканты⁷

---

⁶ *Область теней.* — Имеется в виду подземный мир, царство мертвых.

⁷ А я скажу: по мне, уж лучше пей... — обработка пословицы: «По мне, хоть пей, да дело разумей». Особое значение придавал этой басне Гоголь, находя в ней выражение здравого народного взгляда на практическую деятельность. В книге «Выбранные места из переписки с друзьями» он писал:

Сосед соседа звал откушать;
Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил
И заманил к себе соседа певчих

слушать.

Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова
И у кого что силы стало.
В ушах у гостя затрещало
И закружилась голова.

«Помилуй ты меня, — сказал он с

удивленьем,

Чем любоваться тут? Твой хор
Горланит вздор!»

«То правда, — отвечал хозяин с

«Особенно слышно, как он держит сторону ума, как просит не пренебрегать умного человека, но уметь с ним обращаться. Это отозвалось в басне «Музыканты», которую он закончил словами: «По мне, уж лучше пей, да дело разумей». Не потому он это сказал, что хотел похвалить пьянство, но потому, что заболела его душа при виде, как некоторые, набравши к себе на место мастеров дела, людей бог весть каких, еще и хвастаются тем, говоря, что хоть мастерства они не смыслят, зато отличнейшего поведения. Он знал, что с умным человеком все можно сделать и не трудно его обратить к хорошему поведению, если сумеешь умно поговорить с ним; но дурака трудно сделать умным, как ни говори с ним».

умилением, —

Они немножечко дерут;
Зато уж в рот хмельного не берут,
И все с прекрасным поведением».

А я скажу: по мне, уж лучше пей,
Да дело разумеи.

Ворона и Курица⁸

Когда Смоленский князь⁹,

---

⁸ Басня непосредственно связана с заметкой, появившейся в 1812 г. в журнале «Сын Отечества»: «Очевидцы рассказывают, что в Москве французы ежедневно ходили на охоту стрелять ворон и не могли нахвалиться своим *soupe aux corbeaux* (супом из ворон. — В. К.). Теперь можно дать отставку старинной русской поговорке: «Попал, как кур во щи», а лучше говорить: «Попал, как ворона во французский суп». К тому же номеру журнала была приложена карикатура И. И. Терebeneва «Французский вороний суп»».

⁹ *Смоленский князь* — М. И. Голенищев-Кутузов, которому титул князя Смоленского был присвоен после победоносного сражения под поселком Красным Смоленской губернии (5–6 ноября 1812 г.).

Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам¹⁰ новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил,
Тогда все жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу? —
Ей с возу Курица кричит. —
Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат».
«Мне что до этого за дело? —
Вещунья ей в ответ. — Я здесь останусь
смело.

Вот ваши сестры — как хотят;
А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостями не мудрено ужиться,
А может быть, еще удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»

---

¹⁰ *Вандалы* — группа германских племен; в 455 г. они разграбили Рим и уничтожили многие памятники античной культуры; *вандализм* — обозначение непросвещенной, невежественной и агрессивной дикости.

Ворона подлинно осталась;
Но, вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал
гостей¹¹ —
Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчетах слеп и
глуп¹².

За счастьем, кажется, ты по пятам
несешься:

А как на деле с ним сочтешься —
Попался, как ворона в суп!

---

¹¹ *Как голодом морить Смоленский стал гостей...* — Кутузов считал голод одним из решительных средств борьбы с Наполеоном. Михайловский-Данилевский привел следующий разговор Кутузова с полковником Шнейдером после совета в Филях. На вопрос полковника: «Где мы остановимся?» — фельдмаршал ответил: «Это мое дело, но уж доведу я проклятых французов, как в прошлом году турок, что они будут есть лошадиное мясо». По мнению историка Отечественной войны 1812 г. Богдановича, к этой же цели Кутузов направлял действия партизанских отрядов.

¹² *Так часто человек в расчетах слеп и глуп.* — Речь идет о Наполеоне.

Ларчик¹³

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза
кидался;

Ну, всякий Ларчиком прекрасным
любовался.

Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с
секретом,

Так, он и без замка,
А я берусь открыть; да, да, уверен в
этом;

Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;

---

¹³ Одна из первых оригинальных басен Крылова.

То гвоздик, то другой, то скобку
пожимает.

Тут, глядя на него, иной

Качает головой;

Те шепчутся, а те смеются меж собой.

В ушах лишь только отдается:

«Не тут, не так, не там!» Механик пуще
рвется.

Потел, потел; но наконец устал,

От Ларчика отстал

И, как открыть его, никак не догадался:

А Ларчик просто открывался.

Лягушка и Вол¹⁴

Лягушка, на лугу увидевши Вола,

Затеяла сама в дородстве с ним

сравняться:

---

¹⁴ Обработка басни Лафонтена «Лягушка, захотевшая сделать себя такой же большой, как бык», сюжет которой восходит к Феду и Горацию. В «Русских народных пословицах и притчах» зафиксирована пословица: «Не бывать бычком лягушке, больше в деньге есть цены, нежели в полушке».

Она завистлива была.

И ну топорщиться, пыхтеть и
надуваться.

«Смотри-ка, квакушка, что , буду ль я с
него?» —

Подруге говорит. «Нет, кумушка,
далеко!»

«Гляди же, как теперь раздуюсь я
широко.

Ну, каково?

Пополнилась ли я?» — «Почти что
ничего».

«Ну, как теперь?» — «Все то ж».

Пыхтела да пыхтела

И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнившись с Волом,
С натуги лопнула и — околела.

Пример такой на свете не один:

И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,

А сошка мелкая — как знатный
дворянин?

Парнас¹⁵

Как в Греции богам пришли минуты
грозны
И стал их колебаться трон;
Иль так сказать, простее взявши тон,
Как боги выходить из моды стали вон,
То начали богам прижимки делать
розны:
Ни храмов не чинить, ни жертв не
отпускать;
Что боги ни скажи, всему смеяться;
И даже, где они из дерева случатся,
Самих их на дрова таскать.
Богам худые шутки:
Житье теснее каждый год,
И наконец им сказан в сутки
Совсем из Греции поход.
Как ни были они упрямы,

---

¹⁵ По предположению комментатора басен Крылова В. Ф. Кеневича, эта басня связана с удалением от дел молодых сподвижников и товарищей юности императора Александра I. Крылов полагал, что никакие личные качества не искупали отсутствие плана в действиях реформаторов, необходимой подготовки и досконального знакомства с делом.

Пришло очистить храмы;
Но это не конец: давай с богов лупить
Все, что они успели накопить.
Не дай бог из богов разжаловану быть!
Угоды божески миряна расхватали.
Когда делить их стали,
Без дальних выписок и слов
Кому-то и Парнас¹⁶ тогда отмежевали;
Хозяин новый стал пасти на нем Ослов.
Ослы, не знаю как-то, знали,
Что прежде Музы тут живали,
И говорят: «Недаром нас
Пригнали на Парнас:
Знать, Музы свету надоели,
И хочет он, чтоб мы здесь пели».
«Смотрите же, — кричит один, — не
унывай!
Я затаю, а вы не отставай!
Друзья, робеть не надо!
Прославим наше стадо
И громче девяти сестер¹⁷

---

¹⁶ *Парнас* — горный массив в Греции; местопребывание Аполлона и муз (*гр. миф.*).

¹⁷ *Девять сестер* — девять богинь — покровительниц поэзии, искусств и наук: Клио, Евтерпа, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрато, Полигимния, Урания, Калиопа (*гр. миф.*).

Подыдем музыку и свой составим хор!
А чтобы нашего не сбили с толку
братства,
То заведем такой порядок мы у нас:
Коль нет в чьем голосе ослиного
приятства,
Не принимать тех на Парнас».
Одобрили Ослы ослово
Красно-хитро-сплетенно слово:
И новый хор певцов такую дичь занес,
Как будто тронулся обоз,
В котором тысяча немазанных колес.
Но чем окончилось разно-красиво
пенье?
Хозяин, потеряв терпенье,
Их всех загнал с Парнаса в хлев.
Мне хочется, невеждам не во гнев,

Весьма старинное напомнить мненье:
Что если голова пуста,
То голове ума не придадут места.

Оракул

В каком-то капище¹⁸ был деревянный
бог¹⁹,

И стал он говорить пророчески ответы
И мудрые давать советы.

За то, от головы до ног

Обвешан и серебром и златом,

Стоял в наряде пребогатом,

Завален жертвами, мольбами заглушен

И фимиамом задушен.

В Оракула все верят слепо:

Как вдруг — о чудо, о позор! —

Заговорил Оракул вздор:

Стал отвечать нескладно и нелепо;

И кто к нему за чем ни подойдет,

Оракул наш что молвит, то совет;

Ну так, что всякий дивовался,

Куда пророческий в нем дар девался!

А дело в том,

Что идол был пустой, и саживались в

нем

Жрецы вещать мирянам.

И так,

Пока был умный жрец, кумир не путал

---

¹⁸ *Капище* — языческий храм.

¹⁹ *Деревянный бог* — идол, изображение языческого бога.

врак;

А как засел в него дурак,
То идол стал болван болваном.

Я слышал — правда ль? — будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь.

Роща и Огонь²⁰

С разбором выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы
кроет —

Она тебе лишь яму роет.
Чтоб эту истину понять еще ясней,
Послушай басенки моей.

---

²⁰ Конкретным поводом для создания басни послужили, вероятно, известия о предстоящем свидании Александра I с Наполеоном в Эрфурте (сентябрь — октябрь 1808 г.). Русское общество осуждало Александра I за сношения с Наполеоном, император же считал необходимым сохранить мир с Францией. Наполеон, в свою очередь, пытался обольстить Александра I.

Зимою Огонек под Рощей тлился;
Как видно, тут он был дорожными
забыт.

Час от часу Огонь слабее становился;
Дров новых нет; Огонь мой чуть горит
И, видя свой конец, так Роще говорит:
«Скажи мне, Роща дорогая!
За что твоя так участь жестока,
Что на тебе не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсем нагая?»
«Затем, что вся в снегу,
Зимой ни зеленеть, ни цвести я не

могу», —

Огню так Роща отвечает.

«Безделица! — Огонь ей продолжает. —

Лишь подружись со мной; тебе я

помогу.

Я солнцев брат и зимнею порою

Чудес не меньше солнца строю.

Спроси в теплицах об Огне:

Зимой, когда кругом и снег и вьюга веет,

Там все или цветет, иль зреет:

А все за всё спасибо мне.

Хвалить себя хоть не пристало

И хвастовства я не люблю,

Но солнцу в силе я никак не уступлю.

Как здесь оно спесиво ни блистало,

Но без вреда снегам спустилось на

ночлег;

А около меня, смотри, как тает снег.
Так если зеленеть желаешь ты зимою,
Как летом и весною,
Дай у себя мне уголок!»
Вот дело слажено: уж в Роще Огонек
Становится Огнем; Огонь не дремлет:
Бежит по ветвям, по сучкам;
Клубами черный дым несется к облакам,
И пламя лютое всю Рощу вдруг

объемлет.

Погибло все вконец, — и там, где в
знойны дни

Прохожий находил убежище в тени,
Лишь обгорелые пеньки стоят одни.
И нечему дивиться:
Как дереву с огнем дружиться?

Волк и Ягненок²¹

---

²¹ Обработка басни Лафонтена под тем же названием. Сюжет восходит к басням Эзопа и Федра, а также к аполлогу Гесиода о копчике и соловье. До Крылова тот же сюжет обработали Тредиаковский, Сумароков, Державин.

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров
слышим,

Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягненок в жаркий день зашел к ручью
напиться;

И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал

Волк.

Ягненка видит он, на до бычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец,

нечистым рылом

Здесь чистое мутить питье

Мое

С песком и с илом?

За дерзость такову

Я голову с тебя сорву».

«Когда светлейший Волк позволит,

Осмелюсь я донести, что ниже по ручью

От Светлости его шагов я на сто пью;

И гневаться напрасно он изволит:

Питья мутить ему никак я не могу».

«Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость в
свете!

Да помнится, что ты еще в запрошлом
лете

Мне здесь же как-то нагрубил:

Я этого, приятель, не забыл!»

«Помилуй, мне еще и от роду нет

году», —

Ягненок говорит. «Так это был твой
брат».

«Нет братьев у меня». — «Так это кум
иль сват,

И, словом, кто-нибудь из вашего же
роду.

Вы сами, ваши псы и ваши пастухи.

Вы все мне зла хотите,

И если можете, то мне всегда вредите,

Но я с тобой за их разведаюсь грехи».

«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал
я слушать,

Досуг мне разбирать вины твои, щенок!

Ты виноват уж тем, что хочется мне
кушать».

Сказал — и в темный лес ягненка
поволок.

Обезьяны²²

Когда перенимать с умом, тогда не чудо
И пользу от того сыскать;
А без ума перенимать,
И Боже сохрани, как худо!
Я приведу пример тому из дальних
стран.

Кто Обезьян видал, те знают,
Как жадно всё они перенимают.
Так в Африке, где много Обезьян,
Их стая целая сидела
По сучьям, по ветвям на дереве густом
И на ловца украдкою глядела,

---

22 Конкретным поводом к написанию басни послужила страсть к французским модам, а главное — подражание французской военной форме, которое после унижительного Тильзитского мира было странным и неуместным, так как Наполеон считался врагом России. Ф. Ф. Вигель свидетельствовал: «Уже с сентября месяца (1807 г. — В. К.) начали всю гвардию переодевать по-французски; в следующем году это сделано и со всюю армиею... Они [военные] были недовольны: в новых мундирах они видели французскую ливрею и, с насмешливою досадою поглядывая на новое украшение свое, на эполеты, говорили, что Наполеон у всех русских офицеров сидит на плечах».

Как по траве в сетях катался он кругом.
Подруга каждая тут тихо толк подругу,
И шепчут все друг другу:
«Смотрите-ка на удальца;
Затеям у него так, право, нет конца:
То кувыркнется,
То развернется,
То весь в комок
Он так сберется,
Что не видать ни рук, ни ног.
Уж мы ль на все не мастерицы,
А этого у нас искусства не видать!
Красавицы сестрицы!
Не худо бы нам это перенять.
Он, кажется, себя довольно позабавил;
Авось уйдет, тогда мы тотчас...» Глядь,
Он подлинно ушел и сети им оставил.
«Что ж, — говорят они, — и время нам

терять?

Пойдем-ка попытаться!»
Красавицы сошли. Для дорогих гостей
Разостлано внизу премножество сетей.
Ну в них они кувы ркаться, кататься,
И кутаться, и завиваться;
Кричат, визжат — веселье хоть куда!
Да вот беда,
Когда пришло из сети выдираться!
Хозяин между тем стерег

И, видя, что пора, идет к гостям с мешками.

Они, чтоб наутек,
Да уж никто распутаться не мог:
И всех их по брали руками.

Синица²³

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой
столицы²⁴:
Летят стадами птицы,
А звери из лесов сбегаются смотреть,

---

²³ В основу басни положена пословица, известная в двух вариантах: «Синица за море летела и море зажигать хотела; синица много нашумела, да не было из шума дела»; «Ходила синица море зажигать: море не зажгла, а славы много наделала». Второй вариант помещен в журнале Н. И. Новикова «Кошелек».

²⁴ *Нептунова столица* — море; Нептун — бог моря (*рим. миф.*).

Как будет Океан и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы
крылатой,
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый
тороватый²⁵

Не даывал секретарям.
Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждет;
Лишь изредка иной шепнет:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»
Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? — и не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?
Синица со стыдом всвояси уплыла;
Наделала Синица славы,
А море не зажгла.

Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

---

25 *Тороватый* — великодушный, щедрый.

Осел

Когда вселенную Юпитер²⁶ населял
И заводил различных тварей племя,
То и Осел тогда на свет попал.
Но с умыслу ль, или имея дел беремья,
В такое хлопотливо время
Тучегонитель²⁷ оплошал:
А вылился Осел почти как белка мал.
Осла никто почти не примечал,
Хоть в спеси никому Осел не уступал.
Ослу хотелось бы повеличаться:
Но чем? Имея рост такой,
И в свете стыдно показаться.
Пристал к Юпитеру Осел спесивый мой
И росту стал просить большого.
«Помилуй, — говорит, — как можно это
снести?»
Львам, барсам и слонам везде такая

---

²⁶ *Юпитер* — верховный бог (*рим. миф.*, в *гр. миф.* — Зевс, Зевес).

²⁷ *Тучегонитель* — Юпитер, считавшийся повелителем туч, ветра, грома и молнии.

честь;

Притом, с великого и до меньшого,
Все речь о них лишь да о них;
За что ж к Ослам ты столько лих,
Что им честей нет никаких
И об Ослах никто ни слова?
А если б ростом я с теленка только был,
То спеси бы со львов и с барсов я

посбил,

И весь бы свет о мне заговорил».
Что день, то снова
Осел мой то ж Зевесу пел;
И до того он надоел,
Что наконец моления Ослова
Послушался Зевес:
И стал Осел скотиной превеликой,
А сверх того ему такой дан голос дикой,
Что мой ушастый Геркулес²⁸
Пораспугал было весь лес.
«Что то за зверь? какого роду?
Чай, он зубаст? рогов, чай, нет числа?»
Ну только и речей пошло, что про Осла.
Но чем все кончилось? Не минуло и

---

28 *Геркулес* — величайших герой древности, совершивший двенадцать подвигов (*рим. миф.*, в *гр. миф.* — Геракл). Здесь: иронически.

году,

Как все узнали, кто Осел:
Осел мой глупостью в половицу вошел,
И на Осле уж возят воду.

В породе и в чинах высота хороша;
Да что в ней прибыли, когда низка
душа?

Мартышка и Очки²⁹

Мартышка к старости слаба глазами
стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост
нанижет,
То их понюхает, то их полижет;

---

²⁹ Об очках как важной детали туалета модников, щеголей писали многие литераторы XVIII в., в частности Н. Н. Страхов.

Очки не действуют никак.

«Тьфу, пропасть! — говорит она. — И тот дурак,

Кто слушает людских всех врак:

Всё про Очки лишь мне нагали;

А проку на волос нет в них».

Мартышка тут с досады и с печали

О камень такхватила их,

Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:

Как ни полезна вещь, — цены не зная ей,

Невежда про нее свой толк все к худу клонит;

А ежели невежда познатней,

Так он ее еще и гонит.

Червонец

Полезно ль просвещение?

Полезно, слова нет о том.

Но просвещением зовем

Мы часто роскоши прельщенье

И даже нравов развращенье:

Так надобно гораздо разбирать,

Как станешь грубости кору с людей
сдирать,
Чтоб с ней и добрых свойств у них не
растерять,
Чтоб не ослабить дух их, не испортить
нравы,
Не разлучить их с простотой
И, давши только блеск пустой,
Бесславья не навлечь им вместо славы.
Об этой истине святой
Преважных бы речей на целу книгу
стало;
Да важно говорить не всякому пристало:
Так с шуткой пополам
Я басней доказать ее намерен вам.

Мужик, простак, каких везде немало,
Нашел Червонец на земли.
Червонец был запачкан и в пыли;
Однако ж пятаков приго ршни трои
Червонца на обмен крестьянину дают.
«Постой же, — думает мужик, — дадут
мне вдвое:

Придумал кой-что я такое,
Что у меня его с руками оторвут».
Тут, взяв песку, дресвы и мелу
И натолокши кирпича,
Мужик мой приступает к делу.

И со всего плеча
Червонец о кирпич он точит,
Дресвой дерет,
Песком и мелом трет;
Ну, словом, так, как жар, его поставить
хочет.

И подлинно как жар Червонец заиграл,
Да только стало
В нем весу мало,
И цену прежнюю Червонец потерял.

Из «Книги второй»

Лягушки, просящие Царя³⁰

Лягушкам стало не угодно
Правление народно,
И показалось им совсем не благородно
Без службы и на воле жить.

---

³⁰ Переработка басни Лафонтена того же названия, сюжет которой восходит к басне Эзопа. Тот же сюжет есть и у Федра. В басне подвергнуты критике идеи «Общественного договора» Ж. Ж. Руссо.

Чтоб горю пособить,
То стали у богов Царя они просить.
Хоть слушать всякий вздор богам бы и
не сродно,

На сей, однако ж, раз послушал их
Зевес:

Дал им Царя. Летит к ним с шумом Царь
с небес,

И плотно так он треснулся на царство,
Что хо денем пошло трясинно

государство:

Со всех Лягушки ног
В испуге пометались,
Кто как успел, куда кто мог,
И шепотом Царю по кельям дивовались.
И подлинно, что Царь на диво был им

дан:

Не суетлив, не вертопрашен,
Степенен, молчалив и важен;
Дородством, ростом великан,
Ну, посмотреть, так это чудо!
Одно в Царе лишь было худо:
Царь этот был осиновый чурбан.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смеет подступить из подданных

никто:

Со страхом на него глядят они, и то
Украдкой, издали, сквозь аир и осоку;

Но так как в свете чуда нет,
К которому б не пригляделся свет,
То и они сперва от страху отдохнули,
Потом к Царю подползть с преда
нностью дерзнули:

Сперва перед Царем ничком;
А там, кто посмелей, дай сесть к нему
бочком,

Дай попытаться сесть с ним рядом;
А там, которые еще поудалей,
К Царю садятся уж и задом.
Царь терпит все по милости своей.
Немного погода, посмотришь, кто
захочет,

Тот на него и вскочит.
В три дня наскучило с таким Царем
житье.

Лягушки новое челобитьё,
Чтоб им Юпитер в их болотную державу
Дал подлинно Царя на славу!
Молитвам теплым их внемля,
Послал Юпитер к ним на царство
Журавля.

Царь этот не чурбан, совсем иного
права:

Не любит баловать народа своего;
Он виноватых ест, а на суде его
Нет правых никого;

Зато уж у него,
Что завтрак, что обед, что ужин, то
расправа.

На жителей болот
Приходит черный год.
В Лягушках каждый день великий
недочет.

С утра до вечера их Царь по царству
ходит

И всякого, кого ни встретит он,
Тотчас засудит и — проглотит.
Вот пуще прежнего и кваканье, и стон,
Чтоб им Юпитер снова
Пожаловал Царя инова;
Что нынешний их Царь глотает их, как
мух;

Что даже им нельзя (как это ни ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть
безопасно;

Что, наконец, их Царь тошнее им засу х.
«Почто ж вы прежде жить счастли во
не умели?»

Не мне ль, безумные, — вещал им с неба
глас, —

Покая не было от вас?
Не вы ли о Царе мне уши прошумели?
Вам дан был Царь? — так тот был
слишком тих:

Вы взбунтовались в вашей луже;
Другой вам дан — так этот очень лих;
Живите ж с ним, чтоб не было вам
хуже!»»

Лев и Барс³¹

Когда-то, в старину,
Лев с Барсом вел предолгую войну
За спорные леса, за дебри, за вертепы.
Судиться по правам — не тот у них был
нрав;
Да сильные ж в правах бывают часто
слепы,
У них на это свой устав:
Кто одолеет, тот и прав.

---

³¹ Возможно, поводом для создания басни послужило следующее обстоятельство: в 1815 г. Людовик XVIII намеревался в качестве министра иностранных дел и своего представителя в Священном союзе утвердить бывшего наполеоновского министра Шарля Мориса Талейрана. Однако Александр I решительно воспротивился, и Людовик XVIII принужден был назначить на эти посты герцога Армана Эмманюэля де Ришельё, приняв его из русской во французскую службу.

Однако, наконец, не вечно ж драться —
И когти притупятся;
Герои по правам решились разобраться;
Намерились дела военны прекратить,
Окончить все раздоры,
Потом, как водится, мир вечный

заклучить

До первой ссоры.

«Назначим же скорей

Мы от себя секретарей, —

Льву предлагает Барс, — и как их ум

рассудит,

Пусть так и будет.

Я, например, к тому определю кота:

Зверек хоть неказист, да совесть в нем

чиста,

А ты осла назначь: он знатного же чина,

И, к слову молвить здесь,

Куда он у тебя завидная скотина!

Поверь, как другу, мне: совет и двор

твой весь

Его копытца вряд ли стоят.

Положимся ж на том,

На чем

С моим котишком он устроит».

И Лев мысль Барса утвердил

Без спору;

Но только не осла, лисицу нарядил

Он от себя для этого разбору,
Примолвя про себя (как видно, знал он
свет):
«Кого нам хвалит враг, в том верно
проку нет».

Мор Зверей³²

Лютейший бич небес, природы ужас —
мор
Свирепствует в лесах. Уныли звери;
В ад распахнулись настезь двери:
Смерть рыщет по полям, по рвам, по
высям гор;
Везде разметаны ее свирепства
жертвы, —
Неумолимая, как сено, косит их,
А те, которые в живых,
Смерть видя на носу, чуть бродят
полумертвы:
Перевернул совсем их страх.

---

³² Сюжет басни заимствован у Лафонтена и восходит к латинским проповедям французского проповедника Роллена (1443–1514).

Те ж звери, да не те в великих столь
бедах:

Не давит волк овец и смирен, как монах;
Мир курам дав, лиса постится в

подземелье:

Им и еда на ум нейдет.

С голубкой голубь врознь живет,

Любви в помине больше нет:

А без любви какое уж веселье?

В сем горе на совет зверей сзывает Лев.

Тащатся шаг за шаг, чуть держатся в них
души.

Сбрелись и в тишине, царя вокруг обсев,

Уставили глаза и приложили уши.

«О други! — начал Лев. — По

множеству грехов

Подпали мы под сильный гнев богов,

Так тот из нас, кто всех виновен боле,

Пускай по доброй воле

Отдаст себя на жертву им!

Быть может, что богам мы этим угодим,

И теплое усердие нашей веры

Смягчит жестокость гнева их.

Кому не ведомо из вас, друзей моих,

Что добровольных жертв таких

Бывали многие в истории примеры?

Итак, смиря свой дух,

Пусть исповедует здесь всякий вслух,

В чем погрешил когда он вольно иль
невольно.

Покаемся, мои друзья!

Ох, признаюсь — хоть это мне и
больно —

Не прав и я!

Овечек бедненьких — за что? — совсем
безвинно

Дирал бесчинно;

А иногда — кто без греха? —

Случалось, драл и пастуха:

И в жертву предаюсь охотно.

Но лучше б нам сперва всем вместе
перечесть

Свои грехи: на ком их боле есть,

Того бы в жертву и принести, —

И было бы богам то более угодно».

«О царь наш, добрый царь! От лишней
доброты, —

Лисица говорит, — в грех это ставишь
ты.

Коль робкой совести во всем мы станем
слушать,

То придет с голоду пропасть нам
наконец;

Притом же, наш отец,

Поверь, что это честь большая для овец,

Когда ты их изволишь кушать.

А что до пастухов, мы все здесь бьем
челом:

Их чаще так учить — им это поделом.
Бесхвостый этот род лишь глупой

спесью дышит

И нашими себя везде царями пишет».
Окончила Лиса; за ней, на тот же лад,
Льстецы Льву то же говорят,
И всякий доказать спешит наперехват,
Что даже не в чем Льву просить и

отпущенья.

За Львом Медведь, и Тигр, и Волки в
свой черед

Во весь народ

Поведали свои смиренно погрешенья;

Но их безбожных самых дел

Никто и шевелить не смел.

И все, кто были тут богаты

Иль когтем, иль зубком, те вышли вон

Со всех сторон

Не только правы, чуть не святы.

В свой ряд смиренный Вол им так

мычит: «И мы

Грешны. Тому лет пять, когда зимой

кормы

Нам были худы,

На грех меня лукавый натолкнул:

Ни от кого себе найти не могли ссуды,

Из стога у попа я клок сенца стянул».
При сих словах поднялся шум и толки;
Кричат Медведи, Тигры, Волки:
«Смотри, злодей какой!
Чужое сено есть! Ну, диво ли, что боги
За беззаконие его к нам столько строги?
Его, бесчинника с рогатой головой,
Его принести богам за все его проказы,
Чтоб и тела нам спасти и нравы от
заразы!

Так, по его грехам, у нас и мор такой!»
Приговорили —
И на костер Вола взвалили.

И в людях так же говорят:
Кто посмирней, так тот и виноват.

Собачья дружба³³

---

³³ В басне содержится намек на раздоры между членами Священного союза, вспыхнувшие на Венском конгрессе 1815 г. Бывшие союзники настолько поссорились, что готовы были защищать свои интересы силой оружия. Австрия, вступив в сговор с Англией и Францией, выступила против России и Пруссии.

У кухни под окном
На солнышке Полкан с Барбосом, лежа,
грелись,
Хоть у ворот перед двором
Пристойнее б стеречь им было дом;
Но как они уж понаелись —
И вежливые ж псы притом
Ни на кого не лают днем, —
Так рассуждать они пустились вдвоем
О всякой всячине: о их собачьей службе,
О худе, о добре и, наконец, о дружбе.
«Что может, — говорит Полкан, —
приятней быть,
Как с другом сердце к сердцу жить;
Во всем оказывать взаимную услугу;
Не спать без друга и не съесть,
Стоять горой за дружню шерсть
И, наконец, в глаза глядеть друг другу,
Чтоб только улучшить счастливый час,
Нельзя ли друга чем потешить,
позабавить
И в дружнем счастье все свое
блаженство ставить!
Вот если б, например, с тобой у нас
Такая дружба завелась:
Скажу я смело,
Мы б и не видели, как время бы летело».

«А что же? это дело! —
Барбос отвечает ему. —
Давно, Полканушка, мне больно самому,
Что, бывши одного двора с тобой
собаки,
Мы дня не проживем без драки;
И из чего? Спасибо господам:
Ни голодно, ни тесно нам!
Притом же, право, стыдно:
Пес дружества слывет примером с
давних дней,
А дружбы между псов, как будто меж
людей,
Почти совсем не видно».
«Явим же в ней пример мы в наши
времена! —
Вскричал Полкан. — Дай лапу!» —
«Вот она!»
И новые друзья ну обниматься,
Ну целоваться;
Не знают с радости, к кому и
приравняться:
«Орест мой!» — «Мой Пилад³⁴!» Прочь

---

³⁴ *Орест и Пилад.* — Ореста, героя аргосских сказаний (*гр. миф.*), связывала неразлучная дружба с царевичем Пиладом; их имена стали нарицательными для обозначения верной дружбы.

свары, зависть, злость!

Тут повар, на беду, из кухни кинул
кость.

Вот новые друзья к ней взапуски
несутся:

Где делся и совет и лад?

С Пиладом мой Орест грызутся, —

Лишь только клочья вверх летят: Насилу
наконец их ро злили водою.

Свет полон дружбою такою.

Про нынешних друзей лъзя³⁵ молвить,
не греша,

Что в дружбе все они едва ль не
одинаки:

Послушать, кажется, одна у них
душа, —

А только кинь им кость, так что твои
собаки!

Волк на псарне³⁶

---

³⁵ Лъзя — можно (*устар.*).

³⁶ Басня написана между 23 сентября (день приезда Лористона, посланца Наполеона, с предложением о мире в

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на
драку;
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!» —
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьем,

Тарутинский лагерь) и 6 октября 1812 г. (Тарутинское сражение). Литературный источник установлен литературоведом С. А. Фомичевым: это перевод рассказа «Охотник и Волк» философа Синтипы, опубликованный в конце XVIII в. (переводчик Глеб Громов). Крылов собственной рукой переписал басню и отдал ее княгине Екатерине Ильиничне, жене Кутузова, которая отправила ее в своем письме мужу. Кутузов читал басню после сражения под Красным. Подчеркивая ум, мудрость Кутузова, Крылов опирался на общее мнение и рассказы современников. Кроме того, до баснописца доходили и собственные слова Кутузова о его способностях. Так, перед отъездом в армию один из родственников полководца спросил его: «Неужели вы, дядюшка, надеетесь разбить Наполеона?» Кутузов ответил: «Нет! А обмануть надеюсь». Почти теми же словами он выразился в Тарутинском лагере: «Разбить меня может Наполеон, а обмануть — никогда».

Иной с ружьем.

«Огня! — кричат. — Огня!» Пришли с
огнем.

Мой Волк сидит, прижавшись в угол
задом,

Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он
съесть;

Но, видя то, что тут не перед стадом
И что приходит наконец
Ему расчесться за овец, —
Пустился мой хитрец
В переговоры
И начал так: «Друзья, к чему весь этот
шум?

Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради
ссоры:

Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних
стад,

Но сам за них с другими грызться рад

И волчьей клятвой утверждаю,

Что я...» — «Послушай-ка, сосед, —

Тут ловчий перервал в ответ, —

Ты сер, а я, приятель, сед,

И волчью вашу я давно натуру знаю;

А потому обычай мой:

С волками *и* наче не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих
стаю.

Бочка³⁷

Приятель своего приятеля просил,
Чтоб Бочкою его дни на три он ссудил.
Услуга в дружбе — вещь святая!
Вот если б дело шло о де ньгах, речь
иная:
Тут дружба в сторону, и можно б
отказать, —
А Бочки для чего не дать?
Как возвратилась она, тогда опять
Возить в ней стали воду.
И все бы хорошо, да худо только в том:
Та Бочка для вина брана откупщиком,
И настоялась так в два дни она вином,

---

³⁷ Речь в басне идет о мистических воззрениях, широко распространившихся после войны 1812 г. По мнению архиепископа Сан-Францисского Иоанна, Крылов заботился о нравственном охранении и духовном преображении человека.

Что винный дух пошел от ней во всем:
Квас, пиво ли сварят, ну даже и в
съестном.

Хозяин бился с ней близ году:
То выпарит, то ей проветриться дает;
Но чем ту Бочку ни нальет,
А винный дух все вон нейдет,
И с Бочкой наконец он принужден
расстаться.

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни
сей:

Ученьем вредным с юных дней
Нам стоит раз лишь напитаться,
А там во всех твоих поступках и делах,
Каков ни будь ты на словах,
А все им будешь отзываться.

Ручей³⁸

---

³⁸ Биограф и сослуживец Крылова М. Б. Лобанов писал: «Иван Андреевич по какой-то особенной причине преимущественно любил свою басню «Ручей». Правда, изобретение ее обличает глубокого мудреца, а исполнение, плавность стиха, чистота языка — великого художника, и кажется, она создана более сердцем, нежели умом. Наблюдая человека и заглядывая в историю, автор видел, как трудно людям, при возрастающем их могуществе, удержаться в

Пастух у Ручейка пел жалобно, в тоске,
Свою беду и свой урон невозвратимый:
Ягненок у него любимый
Недавно утонул в реке.
Услыша пастуха, Ручей журчит сердито:
«Река несытая! что, если б дно твое
Так было, как мое,
Для всех и ясно, и открыто,
И всякий видел бы на тинистом сем дне
Все жертвы, кои ты столь алчно

поглотила?

Я чай бы, со стыда ты землю сквозь
прорыла

И в темных пропастях себя сокрыла.
Мне кажется, когда бы мне
Дала судьба обильные столь воды,
Я, украшеньем став природы,
Не сделал курице бы зла:
Как осторожно бы вода моя текла
И мимо хижинки, и каждого кусточка!

прежних своих границах любви и умеренности; что они, большей частью по какому-то неизъяснимому действию их страстей, не могут устоять ни в прежних своих правилах, ни в прежних своих добродетельных наклонностях. Наш автор излагает и оплакивает эту печальную истину...»

Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освежал долины и луга,
Но с них бы не унес листочка.
Ну, словом, делая путем моим добро,
Не приключая нигде ни бед, ни горя,
Вода моя до самого бы моря
Так докатилась чиста, как серебро».
Так говорил Ручей, так думал в самом

деле.

И что ж? Не минуло недели,
Как туча ливная над ближнею горой
Расселась:

Богатством вод Ручей сравнялся вдруг с
рекой;

Но, ах! куда в Ручье смиренность
делась?

Ручей из берегов бьет мутною водой,
Кипит, ревет, крутит нечисту пену в
клубы,

Столетние валяет дубы,
Лишь трески слышны вдалеке;
И самый тот пастух, за коего реке
Пенял недавно он таким кудрявым
складом,

Погиб со всем своим в нем стадом,
А хижины его пропали и следы.

Как много ручейков текут так смиренно,

гладко

И так журчат для сердца сладко,
Лишь только оттого, что мало в них
воды!

Лисица и Сурок

«Куда так, кумушка, бежишь ты без
оглядки?» —

Лисицу спрашивал Сурок.

«Ох, мой голубчик куманек!

Терплю напраслину и выслана за взятки.

Ты знаешь, я была в курятнике судьей,

Утратила в делах здоровье и покой,

В трудах куска недоедала,

Ночей недосыпала:

И я ж за то под гнев подпала;

А все по клеветам. Ну, сам подумай ты:

Кто ж будет в мире прав, коль слушать
клеветы?

Мне взятки брать? да разве я взбешуся!

Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,

Чтоб этому была причастна я греху?

Подумай, вспомни хорошенько».

«Нет, кумушка; а видывал частенько,

Что рыльце у тебя в пуху».

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает:
И подлинно, весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой, —
А смотришь, помаленьку
То домик выстроит, то купит
деревеньку.
Теперь, как у него приход с расходом
свесь,
Хоть по суду и не докажешь,
Но как не согресишь, не скажешь,
Что у него пушок на рыльце есть.

Стрекоза и Муравей³⁹

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.

---

³⁹ Переработка басни Лафонтена, восходящей к басне Эзопа «Кузнечик и Муравей». Жуковский считал басню одной из лучших у Крылова.

Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!»
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило».
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое все пела».
«Ты все пела? это дело:
Так поди же попляши!»

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть, и
князь),

---

40 Басня создана на тему басни А. П. Сумарокова «Хвастун» (ср. басню того же автора «Господин-лжец»). Источником для Сумарокова послужил французский перевод («Крестьянин и его сын») Эмбера басни немецкого баснописца Геллерта того же названия. Поводом к написанию басни послужил рассказ, бытующий в воспоминаниях о Крылове, но наиболее точно воспроизведенный М. Е. Лобановым: «В Английском клубе, в этом разнообразном и многолюдном обществе, он любил наблюдать людей и иногда не мог удержаться от сатирических своих замечаний и ответов. Однажды приезжий помещик, любивший прилгать, рассказывал о стерлядях, которые ловятся на Волге, неосторожно увеличивая их длину. «Раз, — сказал он, — перед самым моим домом мои люди вытащили стерлядь. Вы не поверите, но уверяю вас, длина ее вот отсюда... до...» Помещик, не договоря своей фразы, протянул руку с одного конца длинного стола по направлению к другому, противоположному концу, где сидел Иван Андреевич. Тогда Иван Андреевич, хватаясь за стул, сказал: «Позвольте, я отодвинусь, чтоб пропустить вашу стерлядь!»».

Выражение «римский огурец» вошло в народную поговорку и приведено В. И. Далем: «Хорошо сказывать сказку про римский огурец».

С приятелем своим пешком гуляя в
поле,
Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счету прилагал.
«Нет, — говорит, — что я видал,
Того уж не увижу боле.
Что здесь у вас за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то светит слишком
ярко.

Вот там-то прямо рай!
И вспомнишь, так душе отрада!
Ни шуб, ни свеч совсем не надо:
Не знаешь век, что есть ночная тень,
И круглый Божий год все видишь
майский день.

Никто там ни сади т, ни сеет:
А если б посмотрел, что там растет и
зреет!
Вот в Риме, например, я видел огурец:
Ах, мой Творец!
И по сию не вспомнюсь пору!
Поверишь ли? ну, право, был он с гору».
«Что за диковина! — приятель
отвечал. —

На свете чудеса рассеяны повсюду;
Да не везде их всякий примечал.
Мы сами вот теперь подходим к чуду,

Какого ты нигде, конечно, не встречал,
И я в том спорить буду.

Вон видишь ли через реку тот мост,
Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и

прост,

А свойство чу дное имеет:

Лжец ни один у нас по нем пройти не
смеет;

До половины не дойдет —

Провалится и в воду упадет;

Но кто не лжет,

Ступай по нем, пожалуй, хоть в карете».

«А какова у вас река?»

«Да не мелка.

Так видишь ли, мой друг, чего-то нет на
свете!

Хоть римский огурец велик, нет спору в
том,

Ведь с гору, кажется, ты так сказал о
нем?»

«Гора хоть не гора, но, право, будет с
дом».

«Поверить трудно!

Однако ж как ни чу дно,

А всё чудён и мост, по коем мы пойдем,

Что он Лжеца никак не подымает;

И нынешней еще весной

С него обрушились (весь город это

знает)

Два журналиста да портной.
Беспорно, огурец и с дом величиной
Диковинка, коль это справедливо».
«Ну, не такое еще диво;
Ведь надо знать, как вещи есть:
Не думай, что везде по-нашему хоромы;
Что там за до мы:
В один двоим за ну жду влезть,
И то ни стать ни сесть!»
«Пусть так, но все признаться должно,
Что огурец не грех за диво счесть,
В котором двум усесться можно.
Однако ж мост-ат наш каков,
Что лгун не сделает на нем пяти шагов,
Как тотчас в воду!
Хоть римский твой и чуден огурец...»
«Послушай-ка, — тут перервал мой

Лжец, —

Чем на мост нам идти, поищем лучше
броду».

Щука и Кот⁴¹

---

⁴¹ По воспоминаниям Ф. Ф. Вигеля, в басне высмеивались действия адмирала П. В. Чичагова, руководившего сухопутной армией и не сумевшего преградить путь

Беда, коль пироги начнет печи
сапожник,
А сапоги тачать пирожник,
И дело не пойдет на лад.
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться
любит,
Тот завсегда других упрямей и
вздорней:
Он лучше дело все погубит
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного
совета.

Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучил
Иль, может быть, ей рыбный стол
наскучил?
Но только вздумала Кота она просить,

Наполеону при его переправе через реку Березину 14/26
ноября 1812 г.

Чтоб взял ее с собой он на охоту,
Мышей в амбаре половить.

«Да, полно, знаешь ли ты эту, свет,
работу? —

Стал Щуке Васька говорить. —
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаром говорится,
Что дело мастера боится».

«И, полно, куманек! Вот невидаль:
мышей!

Мы лавливали и ершей».

«Так в добрый час, пойдем!» Пошли,
засели.

Натешился, наелся Кот,
И кумушку проведать он идет;
А Щука, чуть жива, лежит, разинув

рот, —

И крысы хвост у ней отъели⁴².

---

⁴² *И крысы хвост у ней отъели.* — В этом стихе, утверждал комментатор басен Крылова В. Кеневич, заключен намек на «неудачное отступление войск Чичагова от Борисова, на правую сторону Березины; при этом были потеряны многие из полковых обозов, канцелярия главнокомандующего, большая часть экипажей, и в том числе фургон со столовым сервизом Чичагова, и все наши раненые и больные, из коих некоторые погибли от пожара, опустошившего город».

Тут, видя, что куме совсем не в силу
труд,
Кум замертво стащил ее обратно в пруд.
И дельно! Это, Щука,
Тебе наука:
Вперед умнее быть
И за мышами не ходить.

Крестьянин и Работник

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо:
Все взапуски его ценя т⁴³,
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!

Старик Крестьянин с Батраком
Шел по д вечер леском
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к

---

43 *Ценят* — здесь: бранят, ругают.

носу.

Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь надел.
Подмял Крестьянина, ворочает, ломает,
И где б его почать, лишь место

выбирает:

Конец приходит старику.

«Степанушка, родной, не выдай,
милой!» —

Из-под медведя он взмолился Батраку.

Вот новый Геркулес, со всей
собравшись силой,

Что только было в нем,

Отнес полчерепа медведю топором

И брюхо проколол ему железной вилой.

Медведь взревел и замертво упал:

Медведь мой издыхает.

Прошла беда; Крестьянин встал,

И он же Батрака ругает.

Опешил бедный мой Степан.

«Помилуй, — говорит, — за что?» —

«За что, болван!

Чему обрадовался сдуру?

Знай колет: всю испортил шкуру!»

Петух и жемчужное зерно⁴⁴

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его выско так ценят?
А я бы, право, был гораздо более рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть
видно,
Да сытно».

Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них
пустяк.

Обоз⁴⁵

---

⁴⁴ Переработка басни Лафонтена «Петух и Жемчужина», восходящей к басне Федра «Цыпленок к Жемчужине». В русской литературе басню переводили В. К. Третьяковский («Петух и Жемчужина»), А. П. Сумароков («Петух и Жемчужное зерно»), Д. И. Хвостов («Петух и Жемчужное зерно») и А. П. Бенитцкий («Петух и Алмаз»).

⁴⁵ Басня касается стратегии и тактики Кутузова в

С горшками шел Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый

воз.

Конь добрый на крестце почти его

Отечественной войне 1812 г. Полководец подвергался постоянным нападкам со стороны Александра I и военной молодежи из-за уклонений от решительных сражений под стенами Москвы и после сдачи ее Наполеону. Крылов оправдывал неспешные, но продуманные действия Кутузова, должные, как понимал баснописец, привести к полному краху Наполеона, и порицал повеления Александра I, торопившего Кутузова и толкавшего его к промахам и ошибкам. Не менее досадны были для Кутузова ропот и горькие нарекания его молодых сподвижников. Вероятно, Крылов не знал о словах, сказанных старым фельдмаршалом принцу Вюртембергскому: «Наши молодые горячие головы негодуют на старика, что я удерживаю их порывы. Они не обращают внимания на обстоятельства, которые делают гораздо более, нежели сколько могло бы сделать наше оружие». Тем значительнее историческое, политическое и военное чутье Крылова, чья басня защищала Кутузова и его план от наскоков неопытных молодых людей. Их патриотические чувства были объяснимы, но не становились от этого более истинными.

Тем самым под образом «коня доброго» Крылов имел в виду Кутузова с его осторожностью и выдержкой при отражении наполеоновского нашествия.

понес,

Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень; косо!

криво!

Смелее! Вот толчок опять.
А тут бы влево лишь принять.
Какой осел! Добро бы было в гору
Или в ночную пору, —
А то и под гору, и днем!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе

уменья!

Гляди-тко нас, как мы махнем!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезем, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Трону лася лошадка с возом в путь;
Но только под гору она перевалилась,
Воз начал напирать, телега раскатилась;
Коня толкает взад, коня кидает вбок;
Пустился конь со всех четырех ног
На славу
По камням, рытвинам; пошли толчки,
Скачки,

Левей, левей, и с возом — бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту
же:

Все кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже⁴⁶.

Вороненок⁴⁷

Орел
Из-под небес на стадо налетел
И выхватил ягненка,

---

⁴⁶ *А примешься за дело сам, Так напроказишь вдвое хуже.* — Прозрачный намек на Александра I, по вине которого было проиграно Аустерлицкое сражение.

⁴⁷ Переработка басни Лафонтена «Ворон, желающий подражать Орлу», сюжет которой восходит к басне Эзопа «Соя и Пастух». По поводу этой басни М. Т. Каченовский в своем желчном и несправедливом разборе «Новых басен» Крылова писал, что орел неправильно представлен вором, «потому что в области баснословия орел имеет не такой характер».

А Ворон молодой вблизи на то смотрел.
Взманило это Вороненка,
Да только думает он так: «Уж брать так
брать,

А то и когти что марать!
Бывают и орлы, как видно, плоховаты.
Ну, только ль в стаде что ягняты?

Вот я как захочу
Да налечу,
Так царский подлинно кусочек

подхвачу!»

Тут Ворон поднялся над стадом,
Окинул стадо жадным взглядом:
Из множества ягнят, баранов и овец
Высматривал, сличал и выбрал наконец
Барана, да какого!

Прежирного, прематеро го,
Который доброму б и волку был в

подъем.

Издадась, на него спустился
И в шерсть ему что силы есть вцепился.
Тогда-то он узнал, что добычь не по

нем.

Что хуже и всего, так на баране том
Тулуп такой был прекосматый,
Густой, всклокоченный, хохлатый,
Что из него когтей не вытеребил вон
Затейник наш крылатый

И кончил подвиг тем, что сам попал в
ПОЛОН.

С барана пастухи его чинненько сняли;
А чтобы он не мог летать,
Ему все крылья окорнали
И детям отдали играть.

Нередко у людей то ж самое бывает,
Коль мелкий плут
Большому плуту подражает:
Что сходит с рук вора́м, за то воришек
бьют.⁴⁸

Слон на воеводстве⁴⁹

Кто знатен и силен,
Да не умен,

---

⁴⁸ *Что сходит с рук вора́м, за то воришек бьют.* — Афоризм вошел во все сборники пословиц.

⁴⁹ Басня вызвала нарекания со стороны баснописца А. Е. Измайлова и журналиста М. Т. Каченовского, педантически вопрошавшего: «На что волкам тулупы и разве надобны им овечьи кожи?»

Так худо, ежели и с добрым сердцем он.

На воеводство был в лесу посажен Слон.
Хоть, кажется, слонов и умная порода,
Однако же в семье не без урода:

Наш Воевода

В родню был толст,

Да не в родню был прост;

А с умыслу он мухи не обидит.

Вот добрый Воевода видит:

Вступило от овец прошение в Приказ:

«Что волки-де совсем сдирают кожу с нас».

«О плуты! — Слон кричит. — Какое преступленье!

Кто грабить дал вам позволень?»

А волки говорят: «Помилуй, наш отец!

Не ты ль нам к *зи* ме на тулупы

Позволил легонький оброк собрать с овец?

А что они кричат, так овцы глупы:

Всего-то *при* дет с них с сестры по шкурке снять⁵⁰;

---

⁵⁰ *Всего-то придет с них с сестры по шкурке снять...* — В измененном виде («Дай хоть по шкурке с брата снять», «И всего-то придется по шкурке с брата») стало пословицей и приведено В. И. Далем в его сборнике.

Да и того им жаль отдать».

«Ну то-то ж, — говорит им Слон, —
смотрите!

Неправды я не потерплю ни в ком:

По шкурке, так и быть, возьмите;

А больше их не троньте волоском».

Осел и Соловей⁵¹

---

⁵¹ В. Ф. Кеневич в своих «Библиографических и исторических примечаниях к басням Крылова» (СПб., 1868) писал, что поводом к созданию басни послужил случай из жизни Крылова: «Какой-то вельможа (по словам одних, гр. Разумовский, по другим, кн. А. Н. Голицын), может быть, следуя примеру имп. Марии Федоровны, покровительствовавшей поэту, а может быть, искренно желая свести с ним знакомство, пригласил его к себе и просил прочитать две-три басни-басенки. Крылов артистически прочитал несколько басен, в том числе одну, заимствованную у Лафонтена. Вельможа выслушал его благосклонно и глубокомысленно сказал: «Это хорошо, но почему вы не переводите так, как Ив. Ив. Дмитриев?» — «Не умею», — скромно отвечал поэт. Тем разговор и кончился. Возвратясь домой, задетый за живое баснописец вылил свою желчь в басне «Осел и Соловей»». После публикации басни Крылова стали называть «Соловьем». Это прозвание вошло в литературу.

Осел увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка,
дружище!

Ты, сказывают, петь великий
мастрище.

Хотел бы очень я
Сам посудить, твое услышав пенье,
Велико ль подлинно твое уменье?»
Тут Соловей являть свое искусство
стал⁵²:

Защелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще
рассыпался.

Внимало все тогда

Любимцу и певцу Авроры⁵³:

---

⁵² Тут Соловей являть свое искусство стал... — Описание пения соловья и произведенное им впечатление вызвали единодушное одобрение современников и последующих критиков.

⁵³ Аврора — богиня утренней зари (рим. миф.); утренняя заря.

Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осел, уставясь в землю

лбом:

«Изрядно, — говорит, — сказать
неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом;
Еще б ты боле наострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и — полетел за тридевять
полей.

Избави бог и нас от таких судей.

Из «Книги третьей»

Откупщик и Сапожник⁵⁴

---

54 Переработка басни Лафонтена «Сапожник и Финансист», сюжет которой заимствован из рассказа

Богатый Откупщик в хоромах пышных
жил,

Ел сладко, вкусно пил;

По всякий день давал пиры, банкеты;

Сокровищ у него нет сметы.

В дому сластей и вин, чего ни пожелай:

Всего с избытком через край.

И, словом, кажется, в его хоромах рай.

Одним лишь Откупщик страдает,

Что он недосыпает.

Уж Божьего ль боится он суда

Иль просто трусит разориться:

Да только все ему не крепко как-то

спится.

А сверх того, хоть иногда

Он вздремлет на заре, так новая беда:

Бог дал ему певца соседа.

С ним из окна в окно жил в хижине

бедняк

Сапожник, но такой певун и весельчак,

Что с утренней зари и до обеда,

С обеда до ночи без умолку поет

французского писателя XVI в. Бонавентура де Перье «В ком
нужда, уж того мы знаем, как зовут». Ср. пословицу: «Кто
кому надобен, тот тому и памятен».

И богачу заснуть никак он не дает.
Как быть и как с соседом сладить,
Чтоб от пенья его отвадить?
Велеть молчать: так власти нет;
Просил: так просьба не берет.
Придумал наконец и за соседом шлет.
Пришел сосед.

«Приятель дорогой, здоро во!»

«Челом вам бьем за ласковое слово».

«Ну, что, брат, каково делишки, Клим,
идут?»

(В ком ну жда, уж того мы знаем, как
зовут.)

«Делишки, барин? Да не худо!»

«Так оттого-то ты так весел, так поешь?

Ты, стало, счастливо живешь?»

«На Бога грех роптать, и что ж за чудо?

Работою завален я всегда;

Хозяйка у меня добра и молода:

А с доброю женой, кто этого не знает,

Живется как-то веселей».

«И деньги есть?» — «Ну нет, хоть
лишних не бывает,

Зато нет лишних и затей».

«Итак, мой друг, ты быть богаче не
желаешь?»

«Я этого не говорю,

Хоть Бога и за то, что есть, благодарю;

Но сам ты, барин, знаешь,
Что человек, пока живет,
Все хочет более: таков уж здешний свет.
Я чай, ведь и тебе твоих сокровищ мало,
И мне бы быть богачей не мешало».

«Ты дело говоришь, дружок:
Хоть при богатстве нам есть также

неприятства,

Хоть говорят, что бедность не порок,
Но все уж коль терпеть, так лучше от

богатства.

Возьми же: вот тебе рублевиков мешок:

Ты мне за правду полюбился.

Поди: дай Бог, чтоб ты с моей руки
разжился.

Смотри, лишь промотать сих денег не
моги

И к ну жде их ты береги!

Пять сот рублей тут верным счетом,

Прощай!» Сапожник мой,

Схватя мешок, скорей домой

Не бегом — лётom;

Примчал гостинец под полой;

И той же ночи в подземелье

Зарыл мешок — и с ним свое веселье!

Не только песен нет, куда девался сон
(Узнал бессонницу и он!);

Все подозрительно, и все его тревожит: